

Квантовый электровоспоминатель Мухь

Мухь Щбао Тззилруэхь отличался от всех от всех остальных людей. Он точно понимал тайну, сокрытую от прочих следующих пути знания: в его роду были мухи. Их естество чередовалось и прецировалось на каждую из проживаемых им жизней, а клейкие руки позволяли ему впитываться вовнутрь стен из бетона, замуровывая себя в целях ясных снов мушиной кляксой пятнистых поверхностей.

Щбао Тззилруэхь вообще путешествовал. Он путешествовал в тумане по болотистой местности, но внезапно его мушиное естество выиграло, и, взжужжав, он расправил на морщинистой спине холщовые крылья плаща-палатки, пожелав отправиться на охоту за дикими корнями сладкого краснокнижного и пустозвонного растения Эухухэхшегк. Эта малоизученная болотная трава росла пеньками всегда только на кругляшках полянных проплешин от молний, амёбообразно перекатываясь по болоту, отгалкиваясь упругими ложноножками собственных полупрозрачно-мутноватых корней.

Посреди полей молний обнаружился удивительный пень с воткнутым в самую его сердцевину посохом. Однако же стоило Муху подойти к посоху, как последний распался, а из тончайших недр его пластин и щепок явился доисторический Мудр по профессии знахарь, а по имени - Кхаагроее. Мудр был одет в лохмотья с необработанными друзьями алмазов, уравновешенных рысью у левой ноги и совой на правом плече.

Растения рода Эухухэхшегк образовали плотную стену, разместившись в несколько слоистых колец по радиусу вокруг своего повелителя Кхаагроее. Эти бродячие пни выставили чашечки своих тропических благоухающих цветов, хищно наполненные ягодными ароматами клейкого ловчего сока, и Щбао, загипнотизированный эйфорическими флюидами растительных эфиров, принялся опылять цветы, постепенно будто бы растворяясь в успокаивающей дымке пищеварительных соков их переливчато-психодизлептического тумана.

Сила природной мухи Щбао окончательно переборола естественное торжество его разума, пока попадавший вовнутрь брюшка тропический сок выпаривался до состояния значений квадратных корней, извлечённых из параллелепипедов кристаллического сахара, а уж впоследствии они все, аннигилируясь, поглощались друг другом, точно в желудке Муха ненадолго зародилась микрокосмическая чёрная дыра взаимного сиропно-сахарного каннибализма. В итоге Щбао был взят на

лечение знахарем, пообещавшим избавить бедняжку от случившейся с ним напасти.

Утро у Щбао началось достаточно необычно - с расщепления собаки маслом. Знахарь научился клонировать собственного сторожевого пса через прокатывание животного внутри зачарованного круглого масла со сливочным вкусом, приобретающим после ежедневной процедуры почкования неповторимый и неизменный собачий оттенок при дегустации. Был у пёсего расщепления только лишь один-единственный недостаток, зато существенный: каждый последующий получающийся таким способом зверь оказывался ровно в два раза меньше предыдущего.

В то утро Мухь Щбао так увлёкся, что превратил крупного, спокойного от старости и умудрённости опытом сторожевого пса в шестьдесят четыре очень маленьких резвых тьяккалки, которые, воспользовавшись своим поистине даже не мышинным, а скорее уж мушиным размером, разбежались кто куда, впоследствии выйдя на тропу войны организованным строем клана “Войско Малый Гав”.

Кхаагрозее подкормил Муха отменно сытным завтраком, не забывая, впрочем, при этом с опаской коситься на сушёную тушку исполинских размеров сутулого гриба, люстрой висевшего под потолком вместе со связками трав и берёзовыми вениками, освещая своей зеленоватой гнилушкой лесную избу душистыми летними ночами под гирляндами россыпей звёзд. Мудр заявил, что этот потолочный гриб - наибольшее чудо, которое ему только доводилось видеть за всю свою замечательную многовековую жизнь. Но вот только есть этот гриб никак нельзя. Любоваться можно, да, никто не запрещает. А вот есть уже нет, извольте, есть это чудо уже никак нельзя. Гриб был зелёный и блестящий, с беконовыми прожилками, напоминая всей своей сущностью тела хитиновый покров жука-бронзовки, за тем лишь исключением, что жук грибом являлся с вероятностью гораздо меньшей, чем грибом являлся сам гриб.

Когда знахарь пришёл на сбор трав и отлов пауков, засевавший в лесу меж ветвей Щбао услышал довольно-таки странный шорох, словно бы одна щепка разделяла другую щепку. Славно они скрипели! Они так скрипели, будто были бы раскалёнными искрами от костра. На ковре, спустившись с паутинного троса, стоял тот самый казавшийся гриб и молча говорил. Он присутствовал в лесу и на ковре какой-то неуловимой частью, отражённой во всех окружающих, в то время, как самим собой он отсутствовал не только здесь, но и вообще - как раз потому, что вообще отсутствовал, никогда и не существуя. И, тем не

менее, у всех присутствующих складывалось совершенно явственное ощущение реалистичного присутствия гриба в каждом из всех.

Тем временем, гриб телепатировал: “Ты разрежь полями шляпки, службу впредь я сослужу, засади скорей в охапку хрен любому этажу. Только нам любой любой не нужен. Нужен только не любой. Он готовится быть мужем для богини голубой. Мутно словит лиц в полёте лис в палате на ведре, приготовлен в антрекоте точный котик в ноябре. Гриб миров - хранитель маний, открыватель всех ключей, изгонятель всех стенаний, как общественно-ничей. Если сблизиться со мною - мухой станет лютый гриб. Больше всех не беспокою - сразу отправляю в трип. Он, пятнистый, с бахромою и бородкой Ильича ищет-рыщет дружным роем и красивый сгоряча!”

С этими словами гриб несколько раз присел и, в дальнейшем, принялся носиться во всех направлениях одновременно, разбивая представления об обыденности повседневной реальности. Щбао свернулся клубочком у сыплющего огненно-искристыми отблесками камина, даже ушки с хвостом выросли, но неожиданно и нежданно возле камина появился знахарь Кхаагрозее, неся у себя в волосах заплетённые в глубины кудлатых и патлатых косм весы с калейдоскопом.

“Мы будем взвешивать электропотенциал гриба, дабы можно бы было перевести мир на новые бестопливные энергетические станции, сокращённо - БЭС. Ритмическое начало настолько ярко выражено в занятиях нашего гриба, что ему ничего больше в жизни и не остаётся, как породить всё новый и новый электрический ток!” - проговорил знахарь, искоса поглядывая на носящуюся по комнате под потолком сущность в шляпке. И продолжил тут же, практически сразу: “Его сила подобна космосу. Она выкачивает вакуум вовнутрь самого естества себя, концентрируя на одном из мест расположения существования точки в Эпоху Возврата”.

Тем временем, гриб притворился сантехническим вантузом, а Мухь Щбао Тзззилруэнь, прилипнув к потолку, принялся отыскивать своим длинным хоботком разреженный воздух Эпохи Возврата Танцующего Гриба. В месте разрядки сконцентрировались многочисленные молнии, снабжающие разрядами осветительного благословенного электричества все стволы окружающего леса и белок в дуплах. Знахарь Кхаагрозее тоже вытянул свой хоботок. Он тоже был мухой, как и Щбао, только до сего момента об его мушейшестве никто даже не подозревал и не догадывался.

Как по велению абстрактной воли электросил, запустивших

синхронное создание резервных копий всех аспектов бытия, пушистые окружающие белки также тут же обмушились, повытягивали свои хоботки и принялись ими размахивать то туда, то сюда. И вот тогда даже хвойные деревья вытянули уже свои мушиные хоботки. Начался сакральный дождь из неочищенного свекольного сахара. Хоботки всех присутствовавших существ наполнялись питательным углеводом настолько, насколько это вообще бывает возможным. А тем временем, поднялись беспрецедентнейшие сугробы из сахара, и тогда питающиеся хоботки принялись втягивать круицы глубоко вовнутрь себя. Всё это, право слово, напоминало давно забытый фильм, заснятый на до дыр протёртую киноленту.

Тогда Щбао Тззилруэнь понял одну страшную истину жизни - хоботки были неотъемлемым атрибутом каждого существа, на которое бы он ни посмотрел, как будто его мушиное свойство перманентно распространялось и функционально наследовалось и реализовывалось вне зависимости, было ли это существо растением, животным или грибом.

Внезапно начались тренировки. На хоботки надевались круглые дюралюминиевые кольца-грузила, дабы длина и гибкость хоботков тренировались, повышались и преобразовались со временем в процессе получения всех этих дополнительных нагрузок.

Знахарь же многое знал. Он постоянно рассказывал про глаза трав. Да, заметить их нелегко, непросто, да. Но зато, уж если ты оказался в той несколько странноватой стране, что любого путника ставит вровень с травами, стирает различия между всем привычным и всем растительным в интегрированном разуме. Хотя есть различия. Но о них принято молчать. Просто это же непорядочно - заводить разговоры о различиях между людьми и травами, в особенности если эти люди - на самом деле, мухи.

Глаза трав можно увидеть только ранним летним утром - в переливчатых отблесках росы. Когда же Щбао всё же удалось разглядеть глаза, то он всё более и более недоумевал, аж подпрыгивая от удивления: “Так неужели при стирании всех возможных различий остаётся только изначальное существование, некогда порадовавшее его своим экзистенциальным присутствием в виде существа, народно прозванного мухой.”

Щбао Тззилруэнь попытался приплести к этой проверке даже осьминога, благо, последний, в целом и невредимом состоянии плавал в банке, размещённой добрыми людьми в погребке у знахаря Кхаагрэе, однако его гигантский кракен оказался, на поверку, с изрядным изъясном

- вместо щупалец и него чудным, если не сказать, чудесатым методом как-то оказались огромные цветастые крылья бабочки, что, как известно, один из основополагающих принципов, на которых строится Вселенная, которая миг из мига всё больше и больше напоминала танцующий водоворот круговерти из фасеточных глаз, хоботков и тончайших балеринных ножек, обёрнутых в клеёнчатую пастилу летательного аппарата природного происхождения.

Тогда знахарь лопнул вдруг кожей изнутри, разлезшись по швам, а из недр его на свет влезла чистейшая и свежайшая муха. И они со Щбао Мухъ вдвоём улетели, покинув юдоль сей обители, быть может, теперь навеки.

*Белусов Роман,
26 апреля 2012 года.*